

Социально-экономические отношения магнатов и шляхты ВКЛ с феодально зависимым населением в XVI веке

Уваров И.Ю.

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого», Гомель

Исследование посвящено изучению социально-экономических отношений в среде магнатов и шляхты Великого княжества Литовского с представителями различных категорий населения, находящихся в той или иной степени феодальной зависимости.

Цель статьи – интерпретация источников, которые свидетельствуют о начале аграрных преобразований в экономике ВКЛ первой половины XVI в.

Материал и методы. Для написания работы использовались архивные и опубликованные материалы источников. Изучение этих документов оказалось возможным благодаря воплощению методологических принципов, основанных на общенаучных методах исторического исследования.

Результаты и их обсуждение. Содержится информация о наделении военнотруженика участком земли не королем, как это было традиционно принято в XVI в., а представителем господарской администрации в лице поветового старосты, такое пожалование было заверено нотариально. В данном исследовании рассмотрен вопрос о наличии у отдельных представителей шляхетства личных печатей, которыми они скрепляли документы на право владения феодальной собственностью. Приведены факты о покупке феодалами домов в престижных кварталах крупных городов ВКЛ с указанием суммы кучей сделки.

Заключение. В результате борьбы шляхты ВКЛ за свои социально-экономические свободы в XVI столетии существенно менялась структура всего привилегированного сословия великокняжеского побиелитета. Постепенно произошло дробление этой социальной группы, появилась малообеспеченная шляхта, представители которой продолжали оставаться владельцами небольших имений и отправлять военную службу. Уровень материального благосостояния их становился ниже, что привело к имущественному расслоению всего шляхетского сословия.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, шляхта, магнаты, феодальное имущество, поместье, грамота, господарская администрация.

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 70–75)

Social and Economic Relationships of the Grand Duchy of Lithuania Magnates and Gentry with Feudal Dependent Population in the XVI century

Uvarov I.Y.

Educational Establishment «Gomel State P. O. Sukhoi Technical University», Gomel

The article centers round the study of social and economic relations among the magnates and gentry of the Grand Duchy of Lithuania with various categories of the population that were in one or other degree of feudal dependence.

The purpose of this article is interpretation of the sources that demonstrate the beginning of the agrarian reforms in the economy of the Grand Duchy of Lithuania in the early XVI century.

Material and methods. Archive and published sources and materials were used. The study of these documents was possible due to the application of methodological principles based on scientific methods of historical research.

Findings and their discussion. The paper provides information about providing a soldier with a piece of land not by the King, as it was traditionally done in the XVI century, but by a representative of the administration who was a local head, later that was notarized. This study addressed the issue of ownership by the nobility individual personal stamps, with which they sealed documents on ownership of feudal property. Facts are presented about buying houses by gentry in prestigious neighborhoods of large GDL cities with the indication of the transaction amount.

Conclusion. As a result of the fight of gentry for their social and economic freedoms in the XVI century, the entire structure of the privileged class of princely nobility considerably changed. Gradually, there was fragmentation of this large social group and emergence of needy gentry, which continued to be the owners of small estates continuing their military service. The level of their material well-being lowered that inevitably led to property stratification of the whole gentry class.

Key words: Grand Duchy of Lithuania, nobility, magnates, feudal property, estate, diploma, administration.

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 70–75)

Развитие социально-экономических отношений в среде первенствующего сословия магнатов и шляхты ВКЛ было вызвано целым рядом обстоятельств, которые складывались в недрах феодального общества под воздействием различных причин. Это не могло не отразиться на интересах представителей военно-служилого сословия, которые к началу XVI в. начинали осознавать свою значимость в обществе и востребованность со стороны представителей господарской власти.

Цель статьи — интерпретация источников, которые свидетельствуют о начале аграрных преобразований в экономике ВКЛ первой половины XVI в.

Материал и методы. При написании настоящей работы были использованы архивные материалы и опубликованные источники, которые отражают весь спектр социально-экономических отношений великокняжеской знати с вассально зависимыми категориями людей. При этом применялись общенаучные, историко-сравнительные методы, которые основаны на объективизме и историзме объекта и предмета исследования.

С их помощью можно объяснить единство исторического и логического анализа, который позволяет рассматривать любую проблему в комплексе, раскрывая многообразие ее связей. Эти методы охватывают определенные аспекты научно-познавательной деятельности, являясь главными из средств решения исследовательских задач.

Результаты и их обсуждение. Качественно новым этапом в системе шляхетского землевладения стали аграрные преобразования в экономике феодального хозяйства ВКЛ: Как свидетельствуют документы, аграрные мероприятия проводились значительно раньше до официального провозглашения волочковой померы 1557 г. [1, л. 106, 107]. Фрагментарные источники позволяют строить предположения, что барщинно-фольварочное хозяйство стало развиваться в восточных регионах белорусских земель еще в конце XV — начале XVI в. В великокняжеской грамоте от 19 августа 1528 г. указаны фольварки в мстиславских имениях местной шляхты [1, л. 111]. Таким образом, увеличение папского фольварочного хозяйства происходило через выдачу великокняжеских грамот на право владения землей еще в 20-е гг. XVI в. Во владениях королевы Бонны вводилась единая мера налогообложения и измерения земель на волоки, морги и локти. О преобразовательных процессах в сфере хозяйственных и экономических отношений, начатых подданными молодой королевы в Кобринском повете в 1534 г., свидетельствуют факты исследо-

вания польским историком середины XX в. [2, с. 122]. В Пинском старостве подобные мероприятия также начались раньше 1557 г. и были частично изложены в писцовых книгах представителем местной господарской администрации С. Хвальчевским в 1552—1555 гг. [3, с. 713—715]. О возобновлении ранее начатых аграрных мероприятий во владениях Лида и Белица свидетельствует документ за подписью Сигизмунда-Августа от 7 апреля 1554 г., в котором было составлено предписание магнату Н.Ю. Радзивиллу начинать сельскохозяйственные преобразования с целью увеличения доходов и улучшения жизни поданных. Для этого необходимо все земли в указанных поместьях промерять на волоки и произвести подсчет количества домов, хозяйственных строений, пашенных угодий и поголовья скота [4, л. 7]. Об увеличении личных доходов магната Н. Радзивилла свидетельствует жалованная грамота от 6 октября 1557 г., выданная его вассалу М. Палецкому на владение огромной латифундией в имении Мацкишки сроком на вечные времена. В документе сказано, что М. Палецкий получает это имение за службу как дарственную от своего сюзерена. Он может — сам и его жена и дети и все его кровные потомки распорядиться этой землей по собственному усмотрению. Новый владелец данного имения может по желанию его продать или продолжать служить с этого имения кому пожелает и даже на костел его записать, если на это будет его воля [5, с. 84]. В документе достаточно подробно перечислено все феодальное имущество и уголья, включая ловы звериные, млыны, криницы и прочее, а также «корчму вольную». Кроме этого в грамоте перечислены поименно 27 пугных бояр и жен боярских с их братьями и сыновьями, которые владели тягловыми людьми, лесами и прочими угольями «...и з их пожитками, и з повиноватствы боярскими и мужицкими и зо всем, якося тое именьє з данных часов и тепер в границах и в пожитках своих маєт» [5, с. 85]. В данной имущественной сделке выступили свидетелями вельможные паны в лице пана Е.А. Ходкевича, князя М. Паца и пана Щ. Герцыка, которые привели свои печати к этому договору. Как было сказано в тексте документа, эта грамота написана на пергаменте и скреплена подписью и печатью воеводы троцкого, старосты мозырского державца лидского и слонимского пана Н. Радзивилла. Кроме должностных лиц, пользующихся личными печатями, именные печати могли иметь некоторые феодалы. Из жалобной грамоты пани Елены Жолт от 11 августа 1586 г. видно, что у нее похитили золотую печать, которой она скрепляла документы личного пользования о феодальном

имуществе и отчетности, таким образом подтверждалась их подлинность. Виновным по делу пропавшей печати хозяйка считала своего пасынка Юрия Жолта, который «...прибравши ключ от скринки отомкнул скриню и взял сычнет золотой самой пани и листов потребных купных и заставных не мало побрал и побравши проч з двора уехал». Паниа Елена была очень обеспокоена, чтобы пасынок ее «...не печатовал тым сычнетом...» документы на продажу ее феодального имущества [6, с. 375].

Как свидетельствуют опубликованные документы в панско-шляхетском хозяйстве ВКЛ, были отмечены необычные для той эпохи случаи, когда происходил денежный расчет между феодалами и людьми, которые были у них в зависимости. Находящиеся в услужении на шляхетском подворье люди получали за свой труд деньги. В 1552 г. во владении паны Катерины Матеевой Войтехович служила на протяжении шести лет шляхтянка паниа Ходаковская, за что она получила деньги суммой десять коп грошей, что составило 8,3 гроша в месяц. Еще один случай свидетельствует о том, как землянка Ганна Михайлова за три года службы своим господам получила пятнадцать коп грошей. Одна пленная христианка (откуда в документе не сказано) служила пятнадцать лет своим хозяевам, за что получила четыре копы грошей [7, с. 891]. Все это свидетельствует о том, что феодально-экономические отношения стали выходить на новый уровень развития и способствовали проведению новой аграрной политики Сигизмунда-Августа в 1557 г. Постепенно на территории всех феодальных владений устанавливается новый порядок землевладений, положивший конец старым пережиткам удельного периода и открывший возможности новым формам хозяйственной деятельности [8, с. 34]. Реформа 1557 г. способствовала расширению возможностей служилых феодалов получать небольшие участки земли. Крестьяне-слути, подчиняющиеся своему военно-служилому сюзерену, обязаны были составлять вооруженный отряд своего пана, выступая в поход на коне. За это они могли получать в пользование от одной до двух волок земли [9, с. 81]. За претворением в жизнь аграрной политики были обязаны следить королевские ревизоры, как было предусмотрено волочной померой [10, с. 491]. Уже через несколько лет к концу 60-х гг. XVI в. развитие фольварочно-барщинной системы в ВКЛ затронуло все земельные владения бояр. Начинает осуществляться инвентаризация всего феодального имущества с целью его более эффективного налогообложения [11, л. 129]. О сборе налогов в пользу г. Вильно есть подтверждение от 18 сентября

1561 г., в котором господарь повелевает слонимскому старосте лично следить за тем, как идет отправка в столицу сена и всякой живности для потребностей населения.

После проведения в жизнь реформы 1557 г. продолжала укрепляться феодальная система с расширением прав господствующего сюзеренитета и подчинением ему большего количества вассально зависимых служилых людей. В 1562 г. 10 ноября Н.Я. Радзивилл-Черный предоставил своему вассалу К.Г. Заливако право владеть феодальным поместьем в имении Ольховка Новогрудского повета. Как свидетельствуют документы, предыдущее свое владение в Островичах К.Г. Заливако получил от А.Н. Радзивилла 30 июля 1539 г. Данные случаи наделения землей являются свидетельством того, что в ВКЛ, как и в европейских странах, существовала строгая система феодальной иерархии, при которой феодал оставался вассалом своего сюзерена [12, л. 187–187 об.]. О количестве зависимого населения во владениях мелких феодалов свидетельствуют инвентарные записи. Так, например, в деревне Каменецкая Слобода Минского повета в 1594 г. насчитывалось 14 дымов, один дым — 7 человек в сельской местности и 6 человек для города [13, л. 277–281 об.].

Наделять служилых людей землей могли и лица господарской администрации. Метиславский староста князь В.А. Полубенский дал боярам этого повета Левону и Степану Зеньковичам два участка пустующей земли в селищах Кузнецовское и Коноповское, с которых те были должны отправлять земскую службу. Как передает язык документа, к тому «дворное пашни селища церковное с прудницею и з мугвицею они им придали». На это феодальное имущество указанные бояре имели письменные грамоты от Сигизмунда-Августа, который 18 июля 1560 г. приказывает метиславскому старосте, чтобы вышеупомянутые бояре Левон и Степан Зеньковичи в той местности в своих домах жили и пользовались селищем Кузнецовское «службу нашу земскую военную нам господарю служили». Приказано имущество их не трогать и никаких препятствий в чем не чинить. В данном документе есть фраза, которая указывает на то, что господарь выступает как представитель высшей инстанции в государстве, но он же указывает на то, что данные бояре служат военную службу, находясь в подчинении старосты метиславского: «...военную службу отправлять подде листов старост наших метиславских, князей Полубенских, на то им данных» [5, с. 104–105]. Настоящая грамота составлена в Вильно, а копия ее была занесена в книги

королевской канцелярии. В числе опубликованных источников XVI в. был выявлен еще один документ, указывающий на то, что эти грамоты в великокняжеской канцелярии заверялись нотариально по требованию просителя [14, с. 37]. Если на бояр оказывались давление и притеснение со стороны старост, то они могли обратиться в господарскую администрацию в поисках защиты своих сословных прав. Как это случилось с мстиславскими боярами Левоном и Степаном Зеньковичами, которые после обращения в поисках защиты к господарю получили «защитный лист», по которому они могли продолжать пользоваться своим имуществом [5, с. 104].

На протяжении всего указанного периода феодалы стремились создать в своих домах уютную обстановку. Жилые строения наиболее зажиточных людей строились или покупались в престижных городских кварталах. Как свидетельствуют многие источники, паны, шляхта и земляне, если селились в городах, то предпочитали иметь место жительства в новой части города. Так, например, в Гродно в 1560 г. за р. Неман велось строительство жилья для привилегированных особ в пределах четырех улиц. К ним примыкал особый рынок и рядом жили ремесленники, которые находились в зависимости от замковой администрации и обслуживали потребности привилегированной знати [15, с. VII]. Среди многообразия разноплановых источников на эту тему был выявлен один документ, свидетельствующий о том, что представители военно-служилого сословия покупали в городах дома. В 1577 г. 21 декабря в документах могилевского магистрата сделана запись о продаже участка с домом и надворными постройками мещанином Никипором Савиничем оршанскому землянину Ермолаю Громаклиевскому за десять коп грошей литовских в нижней части города за р. Днепр [16, с. 233]. Более состоятельные феодалы владели большими домами и замками. Так, например, дочка князя Ю.И. Гольшанского (в замужестве С.Ю. Полубинская) в 1580 г. согласно наследственному праву начала владеть частью Плуцкого замка и некоторыми селами в пределах этой волости [17, л. 185—189].

Однако мирному проживанию феодалов и простых людей даже в спокойные от военного лихолетья годы мешали разбой и преступное поведение отдельных взятых панов, рассчитывавших увеличить доходность собственных имений за счет грабежа своих соседей. Из записей книг Слонимского городского суда от 16 августа 1560 г. видно, что пан Я. Сакович с большим количеством слуг разграбил имущество пана Е. Сидоровича. Были отняты тягловый скот, рабочий инвентарь, похищены две

сермяги, сукно, пояс, в котором была спрятана копа грошей, грабители забрали три ведра меда [18, л. 131 об.—132]. Все это свидетельствует о вседозволе, преступном разгуле, анархии и бездействии феодальной власти. Но если впоследствии грабежа доводилось поймать злодея, укравшего шляхетское добро, то расправа над ним была самая жестокая. В селе Новоселки в ночь с 18 на 19 сентября 1577 г. у шляхтича Барановича неизвестные украли следующие вещи: бараний кожух, женскую обувь, пять сыров из сырницы, два куска сукна, три отреза полотна, мужское и женское белье, два куска сала и некоторые документы. В ходе преследования вор с частью награбленного был пойман. По итогам судебного разбирательства был вынесен виновному приговор к смертной казни за воровство [16, с. VIII—IX]. Таким образом, мы видим, что феодальная власть в отдельных случаях опиралась исключительно на закон по защите шляхетских прав. Однако опасность потери шляхтой своего имущества продолжала существовать. С началом появления польской идеологии и наступлением католической пропаганды менялась система социальных отношений в рядах сословия шляхты. Под угрозой конфискации феодальных владений в приказном порядке паны и вся шляхта Вольнской земли за присоединение к Короне были обязаны дать согласие на унию с Польшей, подтвердив это письменно, что им было предписано королевским универсалом Сигизмунда-Августа от 25 мая 1569 г. [19, с. 3—8].

События Ливонской войны существенно повлияли на всю жизнь служилого сословия ВКЛ. Значительно возрастает значение земской службы. Чтобы пополнить ряды посполитого рушения, господарская власть призывает витебских мещан служить военную службу в конном строю. Это означает переход мещан в сословие военно-служилых людей, которыми считались бояре [20, л. 93 об.]. В 60-е гг. XVI в. правительство всерьез задумалось об изыскании мобилизационного ресурса служилых людей. Ярким подтверждением тому может послужить перепись войска ВКЛ 1565 г. При изучении документа о состоянии дел по сбору ратников в Киевском повете и сопредельных с ним землях видно, как выглядела на самом деле ситуация, описанная королевским служебником Михаилом Колесою 15 октября 1565 г. Отсюда видно, что каждый из крупных землевладельцев обязан был выставлять не просто вооруженных воннов от своих имений, но и вельников нового образца, как указано в источнике, «по-гусарски», очевидно в гусарском облачении, а также драбов и просто людей, вооруженных «по-ка-

зачки», в качестве легких пехотинцев. После проведения военного смотра ко дню роспуска этих формирований их численный состав насчитывал 8 178 конных всадников без учета ценных воинов драбов [21, с. 213–221].

О сборе и численности военно-служилых людей ВКЛ в 1567 г. свидетельствуют некоторые источники и исследования по этой теме. Из Трокекого повета в войско записалось семь путных слуг [22, с. 132–150]. Такое малое число воинов говорит о том, что вся служилая шляхта находилась на театре военных действий, либо с учетом понесенных потерь ее количественный состав резко сократился. От Гродненского повета в этот год было представлено двадцать девять воинов от простого сословия [23, с. 17]. Все эти люди вместе с боярами-шляхтой выступали в поход, как «с именей своих» [24, с. 1]. Впоследствии эти путные слуги переходили в сословие шляхты.

Исследуя документы этого периода, можно считать малоизученным вопрос о социально-экономическом положении такой категории служилых людей, как пушкарки и замковые стрельцы. В документе 1568 г. упомянуты стрельцы из замков ВКЛ. Очевидно, это могли быть московские ратники, перешедшие на военную службу в ВКЛ за особое вознаграждение [25, с. 33].

О том, что отправление военной службы в то время было очень дорогостоящим делом, свидетельствует один документ. В 1586 г. 5 мая вследствие разбора жалобы была установлена стоимость пропавшего имущества, необходимого для военной службы. Стоимость коня оценивалась в шесть коп грошей, седло — пол копы, сермяга — тридцать пять грошей, уздечка для коня — четыре гроша, войлок — двадцать грошей, шапка — шесть грошей. Надо полагать, что именно такие средства должен был тратить шляхтич, снаряжая на войну конного воина [6, с. 353].

В системе социальных противоречий в среде сословия шляхты следует выделить информацию об имущественных завещаниях шляхты. Из обширного корпуса опубликованных источников было выявлено два документа под названием «тастаменты шляхты». На основании этого можно делать некоторые выводы о том, какую заботу проявляли феодалы о своих владениях и кому завещали ту или иную часть имущества. Из документа от 27 июня 1574 г. видно, что представители феодальной администрации Слонимского повета посетили на дому землянку пани Г.М. Катовны, которая будучи больна, но находясь еще при здравом рассудке, на все свое имущество, доставшееся ей по наследству от ее отца пана М. Катовича и мужа пана Д. Юцковича, решила составить завещание — «тастамент» [26, с. 304]. В до-

кументе отмечено, что все движимое и недвижимое имущество хозяйка хочет поделить между своими детьми. В составе имения Узловсы пани Катовна владела всеми строениями, скотом и рабочим инвентарем, все сенокосы, пушчи, ловы звериные, озера, места рыбной ловли, «з боярами, з слугами путными и з людьми тяглыми, з огородники из их землями и повинностями, за даню медовою и грошовою и даклом, и зо всеми подачками яко я сама держала, ...тое имене мое Узловсы зовсем на воём» пани Катовна завещала своему сыну Василию и дочке Томиле. По волеизъявлению хозяйки новые владельцы этого имения, разделив его между собой, могут самостоятельно держать его каждый как он пожелает и получать прибыль от эксплуатации феодального хозяйства [26, с. 305].

Доказательством о сокращении пределов территории имения и финансовых возможностей феодалов свидетельствует еще один документ о завещании имущества и денег. Из тастамента К.А. Барсовича от 25 августа 1578 г. составленного в г. Бресте, видно, что судебный земский вриадник Брестского повета в лице судьи А. Потезя, подсудника Б. Туминского и писаря Ф. Потезя вынесли судебное постановление об отношении имущественного завещания «земянки» того же повета Х. Кудиловны, которая после исповеди составила завещание для своего родственника «малжонка» К. Барсовича, скрепленное личной печатью владелицы имения. Из содержания этого документа видно, что происходили развивающийся процесс дробления феодального поместья, раздел имущества и денег: «...А ведже с тых двох частей сынове мои маюг вывеновати дочки мои а сёстры свои, и дати им по девяти коп грошей, окрамя вправы рухомыми речми» [26, с. 51–52].

Заключение. Таким образом, мы видим, что в ходе борьбы шляхты за свои сословные вольности и привилегии происходит процесс в виде дробления феодальных владений и формирования малообеспеченной группы лиц, сохранивших свой сословный интерес. Появляются небольшие участки, с которых их владельцы продолжали отправлять земскую службу. Однако уровень финансовых возможностей таких феодалов становился ниже, чем у их предшественников, что отражалось в организованности и боеспособности сил феодального ополчения на случай войны.

Литература

1. Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). — Ф. 694. — Оп. 4. — Л. 5704.
2. Wawrzyńczyk, A. Rozwoj wielkiej własności na Podlasiu w XV–XVI wieku / A. Wawrzyńczyk. — Wrocław: Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1951. — 355 s. — (Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, ser. A.: № 48).

3. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжества, составленная пинским старостой Станиславом Хвалчевским в 1552–1553 гг. Издание виленской Археографической комиссии. — Вильна: Типография Сяркина, 1884. — 714 с.
4. НИАБ. — Ф. 694. — Оп. 4. — Д. 1336.
5. Метрика Вяликага княства Літоўскага. Кніга 43 (1523–1560 гг.); Кніга запису 43 (канца канца XVI ст.). — Мінск, 2003. — 167.
6. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. 26: Акты Упунского городского суда. — 1899. — С. 1, 595 с. Акты, издаваемые Виленской комиссией. — Т. XXVI. — Вильно, 1897.
7. Литовская Метрика. Кн. 224 (1522–1530), 4-я книга судебных дел. (Копия конца XVI в.) / Подготовили С. Лазутка, И. Валюконтис, Г. Киркене [и др.]. — Вильно, 1997. — С. XLVIII, 512, (1) с., (1) л. факс. Литовская метрика. Кніга 224 (1522–1530). — Vilnius, 1997.
8. Леонтович, Ф. И. Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства / Ф. И. Леонтович. — СПб.: Типография В. С. Баданова и Ко, 1894. — 393 с. — Извлеч. из ЖМНП. за 1893 и 1894 гг.
9. Доунар, А. Б. Служба-служба Беларуси другой половины XVI — первой половины XVIII ст. / А. Б. Доунар. — Мінск: Беларус. навука, 2007. — 193 с.
10. Документы Московского архива Министратва юстиции. Т. 1. Ввел. М. Доунар-Запольского. — М.: Тип. Т-ва А. И. Мамонтова, 1897. — 570 с.
11. НИАБ. — Ф. 694. — Оп. 4. — Д. 5724.
12. НИАБ. — Ф. 694. — Оп. 4. — Д. 1475.
13. НИАБ. — Ф. 1769. — Оп. 1. — Д. 7.
14. Lucha, G. M. Kanzleischriftart, Kanzlei, Rat und Regierungssystem unter Herzog Albrecht III von Bayern-München / G. M. Lucha. — Frankfurt am Main-Berlin-Bonn-New York-Paris-Wien: Peter Lang, 1993. — 545 s.
15. Писцовая книга Гродненской эконотии с прибавлениями, издавши Виленской комиссией для разбора древних актов [привел С. Шолович], 4. 1. — Вильна: Тип. А. С. Сяркина, 1881. — XXIII. — 592 с.
16. Историко-юридические материалы, извлеченные из старых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. 32: Акты первой книги Могилевского магистрата за 1577–1578 гг. — Витебск: Типо-литография бр. Подземских, 1906. — 585 с.
17. НИАБ. — Ф. КМФ-18 (Коллекция микрофильмов — далее КМФ). — Оп. 1. — Д. 274.
18. НИАБ. — Ф. 1737. — Оп. 1. — Д. 1. Часть 1: «Словесный городской суд», Книга записей за 1569 г.
19. Сборник документов, уясняющих отношения литовско-польской пропаганды к русской вере и народности: Из ист. материалов, помещенных в «Вестнике Зап. России». Вып. 1 [1–2]. Вып. 2. — 1866 (обл. 1867) — 282. VII с. Сборник документов, уясняющих отношения литовско-польской пропаганды к русской вере и народности. (Из исторических материалов, помещенных в «Вестнике Западной России» и из других печатных источников). Вып. 2. В типографии Виленского губ. правления. — Вильна, 1866.
20. Ф. КМФ-18. — Оп. 1. — Д. 266.
21. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденной при Киевском военном, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе Ч. 1, т. 7: Памятники литературной полемики православных южно-русских с латинско-униатскими. — 1887. — XVI, 800, II с. Архив Юго-Западной России. — Киев, 1887. — Т. VII, Ч. 1.
22. Rimer, K. Rycerstwo wojskie w okolicach Trok, Wojszy Samilicy, 1475–1575 / K. Rimer. — In: Z ziemi pagorkow lesnych, z ziemi tak zielonych. Książka zbiorowa poświęcona pamięci Ad. Mickiewicza w suletnia rocznice jego urodzin. 1798–1898. — Warszawa, 1899. — S. 132–165.
23. Янушкевич, А. Харуга Бардзевскаго павету у населитым рундзі ВКЛ 1567 г. // Бардзевскі наліміссет. XII–XX стст: матэрыялы міжнар. навук. канф., Горадня, 7 ліст. 2008 г. / пад рэд. А. Ф. Смаленчука, Н. У. Слаж. — Горадня: Беласток: НДБ (ЕГУ), 2008. — 228 с.: іл.
24. Литовская Метрика. Русская историческая библиотека. Отд. 1. Ч. 3. Книги публичных дел. Т. 1: Переплет воевода литовского / ред. С. Л. Пташничий. — Т. 33. — СПб., 1915. — 1378 с. в 6 сб. раз.
25. Lietuvos Metrika. kn. nr 367 (1567–1571 m.). Surasymu knyga 10 / Lietuvos istorijos institutas; parengė Algirdas Balutis. — Vilnius: Versus aureus, 2006. — 72. Santy anglų. lenkų k.
26. Тестаменты шляхты і шляхтан Беларусі другой паловы XVI ст. (з старых книг Цэнтральнага гістарычнага архіва Беларусі). — Мінск, Беларус. Энцыкл. ім. П. Броўкі, 2012. — 736 с.: іл. — (Беларусь у актыўных кнігах XVI–XVIII стст.).

Поступила в редакцию 29.04.2016 г.